

ПУТЬ

Покидали вокзал.
Через город во тьме выходили на местность.
И, отстав, засыпал
Салабон, ослеплённый звездой Вифлеемской.

Отдавала земля
Всё тепло, что усвоить успела когда-то.
И шагала семья
Со скупыми пожитками мимо солдата.

На осляти хромой.
С узелками, тюками, мехами с водою.
Торопились домой
Мимо скал, КПП, городка гумконвоя.

И в пролазную тьму
Разом рухнули все с облаками пейзажи.
И казалось ему,
Что один он по щебню шагает бесстрашно.

Но плыла рядом та,
Кто ладонь к животу прижимала с усилием.
И считала она,
Что весь мир ковыляет на ослике с ними.

Мытари, рыбаки,
И толпою, и по одиночке — в кромешной.
Увязая в крови,
В травах высохших, но не теряя надежду.

Дошагали без слов.
В никакой тишине — никаких диалогов.
И откинув засов,
В дом проникли, оставив свой скарб у порога.

Где нашли наконец,
Друга друг различили на ощупь во мраке.
Своих младших — отец,
А его — вся семья, кто в пальто, кто в рубахе.

Ни светильник зажечь,
Ни хлеб надломить у стола не успели.
Детский плач, а не речь
Покатались с простой колыбелью за двери.

Где играла заря.
Просыпался то юный охранник, то старый,
Вспоминая себя —
Рядового чтеца с несмертельной раной.

СМОТРИТЕЛЬ

И ветер порывистый солнце у моря ворует,
И мирные лавры пытаются холм покорить.
Пугливая птица ко мне подскочила вплотную,
И я пробудился, её не успев покормить.

Я слушал, глаза приоткрыв, как фонтаны устали
В тени кипарисов тяжёлую воду ронять.
Не могут скрыть утра неплотно закрытые ставни,
И мечется свет, натываясь на стол и кровать.

И днём в цветнике среди лилий, фиалок, ирисов,
И позже, за миг до дождя, на прогулке верхом,
Всё думал о сне я, о птице, мне бросившей вызов,
Ко мне подбежавшей, лиловым махнувшей вихром.

И месяц спустя, разбирая узор на одежде,
Когда подбородок цирюльник выскабливал мне,
Всё сон вспоминал я. И осенью той, но всё реже...
И море слепило, и лавр шевелился во сне.

Закат раскалённый и бронза жаровни совпали.
В оранжевом шаре пылью трясёт мотылёк.
Сегодня я поздно вернулся домой после бани,
И, скинув сандалии, в тоге устало прилёг.

Меня не тревожат ни грохот посуды, ни дети.
Ни алое пламя, расплзшееся из угла.
Сегодня пусть выпадет нос корабля на монете,
Как и загадал я, а не с бородой голова.

Когда раскатает рулон тьма, я знаю приснится
Мне теплое море, и листья, и масло, и мёд.
С ладони моей подскочившая юркая птица
Последнее зёрнышко хлебное ловко возьмёт.

КАПЕЛЬНИЦА

Как будто умираю я, и вот
Передо мной стремительно и резко
Прносятся деревья, речка, плот,
В убогой коммуналке Новый год,
Дом отдыха и тополь в занавесках.

Как мне измерить счастье не посметь? —
Глухую ночь со звёздами и утро
На горизонте с алой каплей ртутной,
Когда застыла на пороге смерть,
А я вот-вот приму её как будто.

Пошевелиться и глаза открыть,
Задуматься о будущем так страшно.
Всё время умирать и всё же быть,
Неторопливо по теченью плыть,
Пуская от себя волну с барашком.

Чужое небо и волна ничья,
А летом вечер, как дорога, длинный,
Ни филина не слышно, ни сверчка.
На тахте обветшалой в дурачка
Играет Пушкин с бабушкой Ариной.

Такой расклад, ничья, ни дать ни взять.
Мысль далеко, и небо без помарок.
Смеркается, пора зажечь огарок
И набело стихи переписать.

ГОРЕЛКИ

Он умер в садовом сарае
На груди граблей и лопат,
Услышать успев, как залаял
Соседский овчарик Арбат.

Пучки недовядших растений
И мятых пакетов меха
Сомкнулись над скрюченным телом,
Седой головой старика.

На цвет любоваться, на почки,
Как сад на рассвете блестит
Не стали супруга и дочка,
Наследницы соток шести.

Я выкупил дачный участок,
Вернул себе, как Менелай
Не смог, долгожданное счастье —
И дом, и тот самый сарай.

Под вишней сажу на припёке,
На грядки гляжу, как старик,
Такой же чудной, одинокий,
Сбежавший от тёток своих.

Смородины лист рву для чая.
И слушаю птичий чирик.
Устроить колодезь мечтаю
И старый забор починить.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

По снегу и наледи дворика
Под своды, где нет ни души,
К иконе Николы Угодника
Мы с тоненькой свечкой пришли.

Я сунул за пазуху варежки,
Поправила мама платок.
Огонь от лампы мерцающей —
Свечи подхватил фитилёк.

Затихла замёрзшая улица,
Сверкнул исцарапанный нимб.
И мы стали робко сутулиться,
Крестясь неумело пред Ним.

Посыпалась жизнь кинохроники,
И лик проявился в стекле,
С каким бородатые дворники
Каток мастерят детворе.

Печальный и сосредоточенный,
С огнём в глубине карих глаз,
К Нему обратился я: Отче наш,
Помилуй, пожалуйста, нас!

Молился о хлебе без страха я,
Слова вспоминая с трудом.
А мама шептала и плакала
О чём-то не детском своём.

Я долго искал мои варешки.
Мы к дому брели по реке.
И пара снежинок растаявших
Блестела на воротнике.

УЗЕЛ

А утром выпал снег и не растаял.
И замер, как трава в замёрзших лужицах,
Прозрачный лес. И вот часам вокзальным
Пошевелиться не хватает мужества.

Последний дом. Они в плащах холщёвых,
На облака уставясь, портят зрение —
Три старика. И шепчутся о чем-то.
Без чисел календарь. Воронка времени.

Кто вол, кто волк, кто волхв с луной из тира,
Снежинка-пулька запустила мельницу.
Как их звезда из леса выводила,
Как верилось — во что доньине верится.

Сняла сонливость медленная птица,
Плывет разумный крестик над бараками.
Как радовался боженька гостинцам.
Как мама тихо в занавесках плакала.